

1.

Ночь поиграла с городом в прятки.
Утро—начало новой главы.
Одуванчики вылупились, словно цыплятки,
высунув нежные головки из травы.
На мир с жадным любопытством взирают,
тарашат жёлтые глаза на тропу.
Срок цветенья короток. Знают:
жизнь разлетится в прах и пух...
Бренность и тлен—осенние термины.
А в наших краях—«Весна» Моне.
Зачем на рассвете грустить о темени?
Луч солнца врывается в сон ко мне.
Разомкну веки—дня в преддверии—
смою с лица тоску-печаль.
И тяжесть долгих ночей, верю я,
ветер сдует с моего плеча.

2.

Отцвели одуванчики.
Распустился клевер.
Так природа задумала:
кому смерть, кому жизнь.
Нет принцессы Даяны,
но царит королева.
Руки в кольцах трясутся,
но престол не дрожит.
Отцветёт клевер.
И траву покосят.
И на лысых газонах—
пятна жухлой листвы.
Моих глаз треугольники,
как у женщин Пикассо,
видят мира изломы
и конец главы.
Сколько строк осталось
до последней точки,
я сегодня не знаю
и знать не хочу.
Память чёрным выводит
на белом листочке
векселя ошибок.
Плачу я и плачу.

Я всё ещё гуляю вдоль канала.

Весна ль, зима.
И жизнь меня пока не доконала.
Дивлюсь сама.

Семнадцать лет прогулок одиноких
вдоль тёмных вод.
Зачем я здесь? Приносят сами ноги.
Вот так! Так вот:

канал на смену вех глядит без гнева—
покорный раб.
Из прошлого остались только небо
и хляби рябь.

Там, где в огнях от Lundy's и ElGreco¹
играли блюз,
другие струны натянула дека
по воле муз.

Плевком в глаза истории отныне—
кондова² высь.
Мой глас—что вопиющего в пустыне!
Не оглянись

назад, прими смиренно дней закатных
и новь, и бег.
Пусть лунный свет волшебницы Гекаты
туманит брег.

Я бегу за стрелками часов
и уже почти что догнала.
И уже натянуто лассо
в ожиданье мёртвого узла.

Ни к чему смертельное лассо.
Стрелки заупрямились идти.
Сдохла батарейка у часов.
Ну а время всё равно в пути.

И борьба со временем—тщета.
Не считай морщин, потерь, хвороб!
Поздно предьявлять ему счета.
Не оплатит и загонит в гроб.

.....

1. Названия 2. Здесь имеется в виду высотный дом част-
ресторанов. ных квартир, от английского condominium.

На юбилей себе самой

О тяжкий труд и головы томленьё!
А ведь писать мне, право, не впервой
ко дню рождения стихотворенья
себе самой.

Пережила я бабушку и маму.
Ещё шесть лет—и догоню отца.
Кто эта в зеркале седая дама?
Не узнаю лица.

У дамы был когда-то темперамент,
поклонники, бойфренды и мужья.
Слились с потусторонними мирами
они. Осталась я.

Стою одна согбенною осиною
среди высоких молодых осин.
И дотянуться мне уж не по силам
до их вершин.

Но ветер шепчет листьями упрямо,
о смысле жизни лесу говоря.
Ещё не вечер, и моя заря
робка. Простите, бабушка и мама!

Отмыть бы жизнь, как отмывают чашку
от пятен и следов кофейно-чайных.
От щебня разрушений и ошибок,
от одеяний ветхого пошива,
от бремени удушливых сплетений,
от лжи полутонов и полутени,
от пения сирен сладкоголосых,
от новостей, разящих нас без спросу,
от череды падения и взлёта,
от искр угасающего лета.
Ото всего, что больно и немило.
Но, Боже, где достать такое мыло?

Чаю, кофе? Всё не то пью.
Холодно вдвоём.
Дни засасывает топью
времени проём.
Солнце светит, но не греет.
Так и ты, мой друг.
Мы стремительно стареем.
Оглянёшься вдруг—
не найдёшь меня на карте
суеты сует.
И печаль волной окатит,
затмевая свет.
Закружат, завоюют глюки.
Что же ты, дружок,
ледяные мои руки
отогреть не смог?

После бенефиса

Отгрели фанфары бенефиса.
И актёры роли отыграли.
Поклонившись, ушли за кулисы.
Тишина притаилась в зале.

Два часа фиесты. Фанфаронство
утомило бенефициантку.
Иссушила бедняга рот свой.
Vene factum³, держала осанку.

Утопала в цветочном море,
от сиянья улыбок слепла.
Приближенья к финалу по мере
каменела, хоть снимай слепок.

Близко та, с косой, иль далёко,
знают только Высшие силы.
Вопрошать—никакого проку.
Просто живи себе соло.

Не считай ни миги, ни годы,
проплывая вальжным брассом.
Шторм ли, штиль—любая погода.
Пока не прервётся трасса.

Не дождались от природы
мы золотого тепла.
Вынув из печки, с ходу
холодом обдала.
Нарвал Борей бесноватый
листья с дерев сполна.
У осени право вето.
Только молчит она.
Может, от борьбы старея,
шепчет, выжив из ума:
«Я—только символ. Скорее
хоть бы пришла зима!»

Размышления на берегу

Август. Лето на исходе.
Светлых дней поспешный шаг.
Неприкаянная бродит
вдоль воды твоя душа.

И зовёт меня на кромку—
на свидание с тобой—
повелительный и громкий,
обольстительный прибой.

Он сперва целует стопы
и, войдя в любовный раж,
заласкает ли, утопит...
Всё равно пойду на пляж!

Стихнут воды: форте—в пиано.
Унесут в пучину страх.
И останется лишь пена
кружевами на камнях.

1. Vene factum—хорошо сделано (*лат.*).